

**МОСИНА ИКЕДА – ОХОТНИЦА НА ДУХОВ И ДЕМОНОВ**

---

# **МУДРОСТЬ СТИХОВ**



**РОМАН РОТЭРМЕЛЬ**

**Роман Ротэрмель**  
**Мудрость стихов**  
Серия «Мосина Икеда – охотница  
на духов и демонов», книга 1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=51927446](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51927446)*

*SelfPub; 2023*

*ISBN 978-5-532-96277-4*

### **Аннотация**

Здесь дороги опасны, леса темны, а люди суеверны. По миру бродят демоны и духи, и мало кому хватит смелости бросить им вызов. Одна из тех немногих это Мосина Икеда. Икеда – истинная воительница и охотница на духов и демонов, часто называющая себя просто ловчая. Она умелая, хладнокровная и сильная, а её путь – это вечная борьба с чудовищами, миром и эмоциями, но несмотря на постоянные поиски очередной тропы, за её спиной таится огромная тайна, что даже боги наблюдают за её судьбой. «Мудрость стихов» – это фэнтезийный мир полный ошеломляющих боевых сцен, незабываемых ситуаций и ярких образов в ужасающей вселенной японской мифологии. Читайте книгу Риса Лафкин «Мудрость стихов» онлайн или скачайте её в удобном формате на ЛитРес прямо сейчас.

# Содержание

Глава 1	4
Сакура на вершине	4
Жизнь	15
Глава 2	16
Мёртвые поля токкобана	16
Смерть	33
Глава 3	35
Вихрь камелии	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

# Роман Ротэрмель

## Мудрость стихов

### Глава 1

#### Сакура на вершине

Икеда открыла глаза. Холодный ветер сквозил по её босым ногам. Утро встретило её очередным пасмурным небом и чёрными тучами, что скрыли под собой осеннюю землю. Икеда поднялась на ноги, слегка подпрыгнув на носках, и тут же упала, оперевшись на ладони. Она отжималась быстро, умело, не отрывая от одной точки холодных глаз. Рельефные спортивные мышцы двигались в такт с ровным, ритмичным дыханием. Это был утренний обряд, что позволял ей поддерживать себя в форме. Икеда подошла к сосуду с прозрачной водой, что являлось обязательным атрибутом в подобных храмах, и окатила себя, дочиста протерев взмокшую от пота шею и слегка дёрнувшись от бодрящей прохлады. Её окружали чистые полы, высокие потолки и застывшие в образах стены, окружённые множеством алых колонн. Вдоль храма росла сакура, чьи пустые чёрные ветви пугали порой больше, чем пасмурное небо. Икеда скрыла собранные в хвост

чёрные волосы за тонким капюшоном, что прикрывал шею до самых плеч. Она наполовину вынула блестящий клинок катаны, что мелькнул в её чёрных глазах. Тонкое вычищенное лезвие блистало, отражая в себе стены храма, и словно зеркало, рассказывало об окружающем её мире. Чистота и порядок во всём – вот что отличало искусную воительницу от всего того сброда, что возомнили себя воинами, едва взглянув на меч. Сталь катаны имела тёмный оттенок и создавала чарующий эффект, от которого трудно было оторвать взгляд. Икеда понятия не имела, кто и когда смастерил этот клинок, но точно знала, что это творение куда старше стен этого древнего храма. Она со свистом спрятала катану в ножны и зафиксировала пояс на худощавой талии, поправила стальные наплечники и нарукавники, подняла амигасу<sup>1</sup> – широкую, конусообразную шляпу с округленными стальными концами, натянула высокие тряпочные сапоги, что стояли у самого входа, и осмотрелась.

Мгла неслась по небу, ветер копошил по саду храма жёлтую листву, а за дальним горизонтом, с вершины скалы, столь высокой, что скрывалась за чёрными тучами, свисали иссохшие ветви сакуры. Икеда ступила на широкую тропу, что вела к поселениям, расположившимся у основания скалы. В подобных местах всегда кишела жизнь, несмотря на то что старое население явно преобладало над молодым. Дома расходились в разные стороны, а по извилистым дорогам

---

<sup>1</sup> Традиционный головной убор в Японии, сплетённый из рисовой соломы.

шли местные, то и дело, оглядываясь на Икеду, что скрывала глаза за амигасой. В этих краях не часто встречались воины и тем более странствующие самураи, поэтому спрятанная в ножнах катана вызывала вопросы и неподдельный интерес.

Икеда остановилась и подняла глаза из-под выпуклой шляпы. Вдоль крайней улицы висели розовые венки из засохших лепестков сакуры – редкое явление поздней осенью. Старухи старательно плели алые нити, а ворчливый старик всё пялился на проходящих мимо людей с крайним неодобрением. Икеда привлекла его внимание в ту же секунду. Она стояла, словно статуя, замерев на месте и не сводя с него застывших глаз. Икеда пыталась прочесть старика по его сморщенному выражению лица, но он лишь ворчливо сплюнул на землю жёлтой язвой. Она медленно подошла ближе, высматривая розовые венки.

– Ты чё у нас забыла, воительница? Тебя никто не звал, – буркнул дед, натянув сморщенные брови ещё сильнее.

– Лепестки сакуры осенью развешивают лишь в двух случаях: когда рождается ребёнок или появляется дух, которого вы боитесь, – железным тоном произнесла Икеда. – Но по хмурым лицам старух и чёрным тучам могу сказать, что в вашу деревню пришла не жизнь, а смерть.

Старик покивал головой, вода потрескавшимися губами из стороны в сторону. Его озадаченный вид лишний раз убеждал Икеду, что она попала в самую точку.

– Та-а, правду говоришь, воительница. У нас злой дух по-

селится. Та-а какой! – завёлся старик, – такой злой, что никого, зараза, к дому не подпускает. Воеет и воеет, что земля ходуном ходит. От того дома уже все соседи разбежались, а у нас деревня мирная, нету меча, чтобы эту падаль изгнать. Та, поможет здесь меч? Против духа, та?

– Нет, не поможет, – холодно ответила Икеда.

– Вот то-то и оно, а мы, поди, думай, чего делать-та с этой тварью.

– Я помогу вам. Разумеется, не бесплатно.

– Хм-м, – задумался старик, почесав седую неухоженную бороду.

– Тридцать мон, и я возьмусь.

– Тридцать? – возмутился он, повертев головой, – слишком много.

Икеда вновь замерла, на мгновение даже прервав дыхание, и резко развернулась, собравшись уйти. Старик торопливо захрипел, подняв дрожащую ладонь.

– Ладно! Стой. Предлагаю двадцать мон, и я помолюсь богине Идзанами. Помолюсь и цветы к её храму возложу.

Икеда едва заметно ухмыльнулась.

– Говори.

– В общем-то, слушай. Дух тама поселился, едкий. Днём и ночью оттуда звуки доносятся. Голоса разные и вопли животные. Короче, нечисть.

– Кто там жил до этого?

– Жила в том доме семья. Та-а счастливая была, богатая,

что им все завидовали, но потом муж у них со скалы кинулся. Ну а жена с дочкой свинтили от худа подальше.

– Зачем он это сделал?

– Кто-ж его, чудака, знает. Макушка съехала, может.

– Вы похоронили его?

– Та-а, какой там. От его тела и пятна не осталась.

– Это плохо. С душами должно прощаться, иначе они не обретут покоя.

– Та-а, а чё с ним прощаться. Трус – он и есть трус, тоже мне потеря.

– Я, пожалуй, возьму тридцать мон, – настояла Икеда, сверкнув суровым взглядом. – И богиня как-нибудь обойдётся без твоей молитвы.

Старик забурчал от такой наглости, но всё же смиренно кивнул. Икеда развернулась, обходя суетливых старух.

– И можете не развешивать сакуру. Она не поможет, – уходя, отметила она.

Старухи перевели возмущённые взгляды на деда с вопрошительным выражением лиц.

– А чего это вы так смотрите? Зато красиво, – оправдался он, отмахиваясь от недовольных женщин.

Тучи сгущались, когда Икеда приближалась к дому. Все соседние дома были темны, покинуты, брошены – подальше от тёмной ауры, что кружила на этой стороне улицы. Створка двери раздвинулась, и на порог дома выбежала собака. Пёс не нападал, а лишь судорожно лаял на крыльце, прерывая

шум ветра. Вспенившаяся слюна капала с его морды. Два выпученных глаза смотрели в разные стороны, а лапы настолько деформированы, что были вывернуты наизнанку. Икеда стала подходить ближе, и пёс внезапно затих. Он наблюдал, как воительница шаг за шагом приближается к нему, и, заскулив, скрылся за дверью. Икеда медленно отворила дверь. Дом был пуст. Стояла тревожная тишина, и лишь створка окна всё время билась, пошатываясь на сквозняке. В центр зала выбежала крыса, встав на задние лапки и выпучив красные безумные глаза, наблюдала за Икедой. Глаза крысы закровоточили, и она покрылась красной пеленой. Алый дым поднялся в воздух и перед охотницей воплотился золотой дракон с красными шипами на чешуйчатом горбу. Дракон завопил, разрываясь от дикого вопля, но Икеда не повела и мускулом. Он на мгновение замер, будто изумившись такой сдержанности. Дракон наклонился перед ней, извиваясь, словно змея и застыл, наблюдая за гостьей лишь краем позолоченного глаза.

– Ты не боишьс-с-са меня? – прошипел дракон, внимательно всматриваясь в её чёрные глаза.

– Нет, как видишь, – хладнокровно ответила Икеда.

Дракон совершил резкий оборот и, дыхнув алым пламенем, перевоплотился в маленького мальчика с синей кожей и выпуклыми глазами, что глядели в разные стороны. Из его ушей и носа выползали черви, а змеиный язык свисал до самой груди. Он свернул язык в клубок и, спрятав во рту, про-

глотил, оставив лишь маленькие острые зубы.

– Почему ты меня не боишься? – спросил он писклявым голосом.

– Потому что знаю, кто ты. Знаю, что ты безобиден.

Мальчик закинул голову, вывернув шею настолько, что скелет полез из горла, и перевоплотился в высокого борода-того воина с грубыми извилистыми шрамами.

– Ты уверена, что я не опасен?! – сурово захрипел он, играя разбухшими венами на груди. – Другие люди бегут, едва меня завидев. Что мне мешает причинить тебе боль?

– Я помогу тебе. Помогу обрести то, чего ты желаешь больше всего. Покой.

– Кто ты?

– Ловчая.

Свирепый воин вдруг опустил голову. Его грязная борода намокла, а по телу побежали множество жемчужных капель. Он присел, сжавшись в клубок, и перевоплотился в девочку с яркими глазами – один зелёный, а другой голубой. Она смотрела, широко раскрыв глаза. Они были настолько большими и хрустальными, что Икеда видела своё отражение в каждом из зеркальных линз. Губы девочки дрожали, словно она хотела что-то сказать, но размышляла над каждым словом.

– Ничто не поможет мне, – прошептала она нежным голосом. – Я окрестил себя позором. Бросил свою семью. Я прыгнул в бездну. Летел вниз, не видя конца. Чувствовал,

как ветер обжигает моё лицо, а потом... замер. Тело стало лёгким и прозрачным, словно его и нет вовсе.

– Зачем ты это сделал?

– Я хотел спасти её. Хотел, чтобы Сэймэй жила, но я не могу сказать тебе больше.

– А ты и не говори. Покажи.

Девочка вздрогнула, нервно бродя из стороны в сторону и дёргая костлявые пальцы. Она подняла ладонь и замерла, указывая пальцем в небо.

– Сакура на скале? – спросила Икеда.

Девочка осторожно кивнула. Воительница развернулась на месте и собралась выйти за дверь, как девочка вдруг повысила тон, заурчав, словно тигрёнок.

– Прошу, не осуждай меня. У меня не было выбора.

– Не мне тебя судить. Я всего лишь человек.

Блестящая слеза скатилась по щеке девочки, такая же искусственная и фальшивая, как и всё, что окружало беспокойного духа. Икеда вышла из дома и взглянула на возвышающуюся до облаков вершину. Скалу окружали тысячи ступеней, что вели на самый пик, и многие энтузиасты бросались покорить её, но лишь немногим это удавалось, а так как полная стремления и подвигов молодёжь редко посещала эти края, то и пик скалы часто пустел. Скала привлекала своей мрачной вершиной, а свисающая из-под густых туч сакура отдавала фиолетовым оттенком. Каждую весну сакура осыпала землю розовыми лепестками, а осенью чернела, словно

замерзая до следующего тепла.

Прохладный ветер дул с востока. Тысячи ступеней вели прямо на самую вершину. На скале красовались множество надписей, которые оставляли здесь путники, решившие бросить вызов вершине, но с каждой ступенью Икеда замечала, как надписей и рисунков становилось всё меньше, а их пёстрые краски тускнели и всё чаще напоминали нечто бессмысленное. Преодолеть ступени не составляло труда, Икеде оставалось лишь набраться терпения, которого у неё было хоть отбавляй. Так она думала, пока суровая правда не ударила по её ослабевшим ногам. Она не любила торопиться, особенно, когда прохладный ветер расслаблял уставшие мышцы, но с каждой ступенью ветер бушевал всё сильнее. Пальцы застывали, а приятная прохлада превратилась в неудержимую бурю. Голова начала кружиться от тяжёлого воздуха, ветер сносил с ног, а внизу неизмеримая пропасть. Дорога казалась бесконечной. Икеде начало казаться, что дух её обманул, ведь покорить самую вершину под силу было далеко не всем.

Она переступила через последнюю ступеньку, и свирепая буря вмиг стихла, будто её вовсе и не было, лишь лёгкий ветер свистел у концов стальной шляпы. Яркие лучи солнца ударили ей в лицо. Под её ногами плыли чёрные тучи, сквозь которые Икеда, казалось, видела весь мир. Высокие заснеженные пики гор, огни одиноких поселений, бескрайние леса и вечно жёлтые поля открывались её взору, как на

ладони. Вершина представляла из себя нечто вроде скромного алтаря, вдоль которого располагались потухшие свечи и несколько фиолетовых цветов. Икеда заметила сияющий ствол сакуры, на котором было выцарапано несколько символов, несколько имён, что сияли фиолетовым оттенком. Она провела пальцами по стволу сакуры. Два точных символа опечатались на её кончиках – Сэймэй.

– Глупец, – выругалась себе под нос Икеда.

Имена на стволе сакуры значили, что в скором времени должен родиться или умереть человек. Сэймэй была дочерью духа, что заперся в собственном доме и боялся любого упоминания о себе и своей семье. Легенда гласила, что только смерть другого спасёт человека, чьё имя выцарапано на стволе сакуры, но Икеда, как никто, знала, что это лишь байка, которой местные бабки пугали доверчивых детей. Она знала, что сакура расцветает весной, а осенью на стволе вырезают имена тех, кто ещё должен родиться. Воительница присела у ствола дерева и прикрыла глаза. Тьма окутала всё вокруг. Тёплый ветер словно замер, и время остановилось. Такой поразительно пугающей тишины Икеде ещё не доводилось ощущать.

– Милостивая Идзанами, – прошептала охотница, всё дальше погружаясь во тьму, – одари покоем заблудшую душу. Одари покоем безрассудного глупца. Сверши милость и прости его ошибки.

Ветер резким порывом вновь напомнил о себе. Шум вет-

вей вернулся, они снова закачались над головой Икеды. Она открыла глаза. У её коленей лежал лепесток сакуры, что лучезарно сиял розовыми красками. Имя Сэймэй засверкало розовыми искрами и исчезло, впитавшись в корень дерева. Сакура расцвела. Её ветви свисали, искрясь ярким бликом. Лепестки чарующим веером осыпали землю под свист ветра. Сакура забрала жизнь ещё не рождённой Сэймэй, чтобы дух мужа упокоился с миром.

Икеда неторопливо вернулась в дом, где тишина прерывалась лишь скрипом распахнутых окон. Темно. Мертво. Спокойно. На столе лежала записка, что написана красными чернилами и была столь свежей, что алая капля скатывалась по белому пергаменту: «Покой. Простите меня». Грозные чёрные тучи развеялись, белые облака гуляли по небу, просвечивая сквозь себя яркие лучи солнца. Сакура на вершине осыпала тысячи лепестков, покрывая под собой ещё недавно мрачную землю.

Икеда вернулась в деревню, где местные изумленно глядели в небо. Старик, едва завидев её, подбежал, заикаясь и пытаясь выдать хоть слово.

– Сакура расцвела! Та-а осенью! – восторженно изумился он, поднимая руки в высоту.

– Это скоро пройдёт, а дух вас больше не побеспокоит. Мои тридцать мон.

Икеда протянула руку, и старик внезапно нахмурился. Он неохотно полез в карман и вытащил тридцать бронзовых мо-

нет, словно бусинки, закреплённые на тонкой верёвке.

– Вот. Держи. И... это... спасибо от всей деревни, – пробубнил он, протянув монеты воительнице.

Икеда кивнула, уважительно наклонив амигасу, и вновь ступила на широкую дорогу, усыпанную лепестками сакуры.

## Жизнь

Средь гущ и живучих земель,  
Топчет землю костлявая мгла.  
Несёт она горе и смерть,  
Чтобы новая жизнь возросла.  
Боятся её все до боли,  
И лишь мудрый откроет глаза:  
«Наберитесь-ка силы и воли,  
Смерть не приходит одна».

## Глава 2

### Мёртвые поля токкобана

Жёлтые соцветия токкобана цвели девять месяцев в году и лишь зимой прятались от наступающих холодов. Всё поле было усыпано их жёлтыми лепестками, которые на вечернем закате создавали чарующий эффект. Идя по тропе вдоль бесконечных жёлтых полей, Икеда стала замечать, как цветки токкобана плавно увядают один за другим. Цветы чернели, а резкий запах, вызывающий тошноту, словно отпугивал от дальнейшего пути. Охотница вышла с опушки леса, и омерзительно отталкивающее зрелище открылось её глазам. Чёрное мрачное поле, покрытое скверно пахнущей гнилью, словно сама смерть пронеслась по этим цветам. Одинокие дома, стоявшие у дороги, были брошены, а вдоль их крыльца виднелись ровные, застывшие капли крови. Икеда двинулась дальше по тропе. Она сохраняла хладнокровие, но всё же иногда внимательно осматривалась по сторонам. Тропа прерывалась на одинокой таверне, что напоминала скромный храм с высокими колоннами. На входе висела табличка: «В обуви не входить», и действительно, прямо у самого порога стояли десяток башмаков. Икеда разулась и вошла в просторный зал, разделённый на маленькие комнаты тонкими

перегородками. Пол был тёплый, согретый паром горячего чая и выпечки. В углу подальше сидели те, кто избрал что-то более прохладное и крепкое. По всему залу были аккуратно расставлены низкие столики, идеально вычищенные и упорядоченные, всё как любила Икеда. Она присела за один из них, положив амигасу рядом, и к ней в ту же секунду подбежал седой мужчина, который дружелюбно улыбался, должно быть, каждому вошедшему в его таверну.

– Добро пожаловать, госпожа-а... – протяжно поздоровался он, желая услышать имя гостьи.

– Мосина, – уверенно ответила воительница, – Мосина Икеда.

– Добро пожаловать, госпожа Мосина. Чего желаете? Могу предложить вам мятный чай – успокаивает с дороги.

– Для начала ответь мне на вопрос, – Икеда достала из рукава монету и звонко подкинула старцу. – Что тревожит злого духа с полей?

Старец довольно улыбался, пока рассматривал медную монету, но, услышав вопрос, резко сменился в лице. Он наклонился ближе, прикрываясь от любопытных глаз, что отвлеклись от мирного чаепития.

– Дух этот жесток. Убивает всякого без разбора, без жалости. Досюда пока не добрался, но, боюсь, и к нам скоро сила нечистая нагрянет.

– Что произошло?

– Семья жила в поселении неподалеку. Вот только беда на

них свалилась. Дети и жена в одну ночь умерли, только муж жив и остался. Твердил он, что отравились ягодами, да мало ему кто верил, но и обвинять никто не решился. После этого люди умирать и начали. Поля чернеть, а ночью вой невыносимый, полный боли. На всю округу слышно.

– Где мне найти этого мужа?

Старец изумился, широко выпучив глаза. Он вновь покачал головой, краем глаза оглядываясь по сторонам.

– Женился он, на красавице молодой, едва семью успел похоронить, тут же под новую юбку прыгнул и переехал с ней в соседнее поселение, что к северу.

– Как его имя?

Старец призадумался и зашипел, словно имя вертелось у него на языке.

– Мори Огай.

Икеда задумчиво застыла, всматриваясь в одну точку. Её пронзительный взгляд вызывал у старца нетерпеливое жжение в пятой точке, заставляя его всё время дёргаться.

– Простите, госпожа Мосина, – почтительно обратился он, – а вы по какому поводу интересуетесь?

Икеда плавно подняла глаза, взглянув на любопытного старика.

– Я ловчая.

Старец медленно отдалился назад, выпрямив спину и тяжело сглотнув, дабы сбить наплывший ком в горле. Он вновь гостеприимно улыбнулся и, поднявшись, почтительно по-

клонился.

– Я принесу вам чаю, отдохните с дороги.

Икеда слегка поклонилась в ответ. Тьма за окном сгущалась. Охотница полночи не смыкала глаз, оперевшись о стенку в углу таверны. Она внимательно вслушивалась в ночные вопли, что эхом проносились вдоль ближайших полей. Вопли были столь протяжными, столь леденящими, полными боли и переваливающей ненависти. Они вызывали свист в ушах, что порой перерастал в головную боль.

С первым лучом солнца Икеда вновь ступила на тропу, свернув на север. Ближайшее поселение, что ей встретилось, было весьма нескромным. Обширные сады, вычищенные улочки и множество цветов токкобана, развешанные на тонких карнизах домов. Здесь жили далеко не бедные люди, и меч за поясом уже мало кого удивлял. Икеда обратила внимание на местную корчму, что находилась в центральном квартале. Большая, обширная, больше напоминающая императорский зал, и с самого основания до загнутых краёв крыши украшенная жёлтыми венками. Икеда вошла, осмотрев просторное помещение и заметила, как несколько воинов, сложив свои катаны, опустошают чашку за чашкой жгучего sake. Она прошла мимо них и, словно притянув их взгляды за собой, остановилась у стойки. Корчмарь сложил ладони и наклонился ближе, пытаясь взглянуть в глаза Икеде, но широкая амигаса разрушала все его робкие попытки.

– Желаете выпить, воительница? – спросил он, продол-

жая неодобрительно пялиться на её шляпу.

Икеда медленно приподняла амигасу, из-под которой открылись чёрные холодные глаза. Корчмарь наконец отдалился от стойки, робко пожимая задрожавшими плечами.

– Я ищу дом. Дом, где живёт Мори Огай.

Корчмарь занервничал ещё больше, то и дело заглядывая Икеде за спину, где воины, внимательно прислушивались к начавшемуся разговору.

– Зачем тебе нужен Мори? – спросил корчмарь.

– Его бывшая жена убивает людей, воеет по ночам и превращает ваши жёлтые поля в гнилое пепелище. Я хочу знать почему.

– Мне нравится твой меч! – вдруг вмешался воин, встав из-за стола, – а пользоваться им умеешь или носишь для красоты? У кого ты его украла? Я вижу по рукоятке, что он старше тебя как минимум на два века. Он не мог достаться тебе задаром.

Икеда обернулась. С трёх воинов свисали красные латы, на плечах шёлковые плащи до самых коленей, а на золотистых поясах крепились катаны с дорогой обшивкой. Икеда обнажила половину лезвия, мелькнув катаной в ножнах, и сверкнула тёмной сталью. Все глаза устремились на клинок, очарованные столь искусной работой. Лезвие было настолько тонким, что казалось, способно разрубить волос пополам, а вычурное основание, словно пылало алой медью, которая плавно переходила на украшенную рисунками рукоятку. Для

любого воителя было гордостью похвастаться своим оружием, но Икеда старалась отдаляться от лишних вопросов, на которые она сама не знала ответов. Она скрыла лезвие в ножах, и любопытные взгляды вновь бросились на воительницу.

– Может, ты мне расскажешь, где живет Мори Огай? – спросила она.

– Рассказать тебе? А с чего вдруг? – съязвил воин. – Я живу здесь довольно долго и знаю каждого, кто входит и выходит из моего селения, но тебя я вижу впервые. Бродишь здесь, почему-то интересуешься всякими сумасшедшими женщинами, что пожирают мирных людей. Меня это злит, – оскалив зубы, прошипел он.

– Так, может, выпьешь чаю вместо sake.

Воины вульгарно захохотали.

– А ты, я смотрю, шутница. Тогда такая дорогая игрушка тебе тем более ни к чему.

Вояка положил ладонь на рукоятку своего меча и фальшиво ухмыльнулся.

– Ц-ц-ц, – зацыкала Икеда, покручивая головой. – Если вытащишь лезвие из ножен, то останешься без меча.

Воин сжал зубы и потянул за рукоять. Икеда в тот же миг, словно вихрь, совершила выпад вперёд, обнажила катану и резким ударом, снесла лезвие его меча, будто это засохшая ветка. Лезвие сломалось напополам и, сверкнув хрустальным серебром, вылетело прямо из рук воина, оставшись тор-

чать в стене. Икеда плавно выпрямилась и спрятала свою катану в ножны, приподняв чёрные глаза. Воины испуганно пятились назад, тут же убрав ладони со своих мечей. Вояка застыл, поражённый такой скоростью и мастерством. Его губы дрожали, и он был даже не в состоянии опустить сломанный клинок.

– Это... это невозможно, – напуганно обомлел воин.

– Говори, где живет Мори Огай, иначе я лишу тебя не только меча.

Воин дрожал, нервно покачивая головой, но всё же собрался, медленно опустив дрожащие руки.

– На окраине, напротив садового храма.

Икеда поправила амигасу, почтительно поклонившись, и оставила воинов наедине с пугающим изумлением.

Высокий двухэтажный дом был достаточно украшенным и большим, чтобы привлечь внимание. Напротив него виднелся изумительной красоты сад, из которого под ноги прилетали лепестки всех колоритов. Икеда постучала. Дверь слегка приоткрылась, и из нее выглянула молодая девушка. Она с любопытством глядела на гостью и не говорила ни слова, её круглые глаза и улыбчивое молчание напоминали поведение маленького ребёнка.

– Мне нужен Мори Огай, – ответила Икеда на немое молчание.

Девушка не отреагировала, всё также продолжая пялиться, но воительница сохраняла железное терпение и не своди-

ла глаз в ответ.

– Кто там!?! – послышался суровый мужской голос.

Дверь раскрылась полностью, и на пороге появился высокий мужчина с завязанным на затылке хвостом. Своей манерностью он напоминал отвязного моряка или воина, некогда ушедшего на покой. Длинный халат с подвязками, вычурное ожерелье на шее и молчаливая жена, что вдоволь насмотревшись на нового гостя, равнодушно отвела взгляд.

– Что тебе нужно? – спросил он, сузив глаза.

– Мори Огай.

– Это я. У тебя ко мне дело?

Икеда едва заметно кивнула.

– Ладно, проходи.

Она вошла в просторный зал со светлым полом и бежевыми коврами на стенах. Весьма нескромно и весьма богато.

– Так что тебя привело? – спросил Мори, присев в покачивающийся стул.

– Твоя бывшая жена, – тут же ответила охотница.

Мори не проявил никого энтузиазма, лишь расслаблено пожал плечами, словно слова воительницы пролетели мимо него.

– Расскажи мне о ней. Я хочу знать, что её гложет.

Мори замер, с возмущением взглянув на Икеду.

– Гложет? Я думаю, дело не в этом. Её звали Сибо, и ещё живой она была исключительно злобной и отвратительной женщиной. Не удивлён, что она и после смерти не даёт лю-

дям покоя. Но ответь мне на один нескромный вопрос. Какого хрена интересуешься?

На лице Мори замер нахальный оскал, а глаза твёрдо смотрели вперёд, ожидая немедленного ответа.

– Я та, кто может помочь ей, а заодно и всем вокруг.

– Понятно, – тут же прервал её Мори. – Ты охотница на духов. Я рад, что ты завалилась в наши края, с этой проблемой уже давно пора разобраться.

– Я займусь ею, но ты мне заплатишь.

– Само собой. В этом мире ничего не делается бесплатно. Я заплачу тебе сто мон, если сделаешь всё тихо и быстро. Всяко лучше, чем когда старые бабки разносят слухи за моей спиной.

– Заслуженно, – съязвила Икеда, бросив взгляд на его молодую жену.

– Сделай свою работу, ловчая, и я заплачу. От бедности я нынче не страдаю.

– Где находится дом, в котором умерла твоя семья?

– В деревне ниже. Дом этот ты точно не пропустишь.

Икеда напоследок вновь взглянула на молодую девушку. Она бездумно пялилась в потолок, прижавшись к стене и вытянув худощавые ноги. Девушка опустила глаза и взглянула на охотницу, когда та уже выходила за порог с таким трепетом и болью, словно пытаясь предостеречь от чего-то тревожного.

Икеда вышла на гаснущие поля токкобана. Старый забро-

шенный дом, что стал для всех местных пристанищем зла, и вправду не составило труда отыскать. Тёмный след прямой выжженной линией вёл прямо к нему. Запёкшаяся кровь смешивалась с сырой гнилью, что густой синевой впитывалась в обувь, продавливая под собой мокрую землю. Тучи сгущались, но вечернее солнце всё ещё било в спину, уверенно исчезая с каждым шагом. Чёрная линия неожиданно прервалась детским следом, столь маленьким, что был не длиннее указательного пальца. Детские ступни вели к самому порогу заброшенного дома. Полуразрушенный, с выбитыми окнами и дырявыми стенами. Икеда медленно раздвинула дверь, что открылась неприятным скрипом. Дом пустел. Сломанная мебель и кухонная утварь были разбросаны по единственной небольшой комнате, что явно была мала для целой семьи. На полу виднелись ещё свежие окровавленные детские следы, что начинались и заканчивались у самых стен. Воительница присела в центр комнаты, наблюдая, как лучи солнца пропадают, заменяясь лунным светом. Гнетущая тишина и давящие стены свели бы с ума любого, но не Икеду, которая с непоколебимым терпением выжидала свою цель.

Шумящая тишина в ушах начала плавно прерываться порывами ветра. Выбитые створки окон закачались, битые осколки посуды задрожали, а входная дверь скрипела, вызывая мурашки по коже. Дверь медленно начала раздвигаться, и из-под неё показалась бледная рука. Длинные острые ног-

ти гнили под запёкшейся вдоль всей ладони кровью. На порог вошла женщина. Её бледный халат витал над полом, вызывая под собой удушающую бурю. Её разбухшие вены на шее кровоточили, пока кровь стекала на прозрачный, лунного оттенка халат. Распущенные чёрные волосы раскатистым ветром задирались назад, словно плывя в воздухе. Она оскалила окровавленные зубы. Чёрные брови сужались в непреодолимой злобе. Икеда поднялась на ноги и скрыла лицо за амигасой, прикрывшись от бьющего ветра. Стены и пол под её ногами дрожали, но воительница стояла твёрдо, крепко сжимая рукоятку катаны.

– Сибо, – прошептала Икеда, приподняв глаза.

Сибо раскрыла рот, с губ которого стекали струи крови. Её глаза сверкнули. Охотница согнулась, обнажив половицу меча из ножен, и замерла, не отводя от духа глаз. Холодный взгляд сверкал из-под конусообразной шляпы. Сибо завопила хриплым, гнусавым воем и накинулась на воительницу. Икеда обнажила катану и сделала шаг назад, выставив сверкающее на лунном свете лезвие. Она совершила выпад вперёд, но едва клинок дотянулся до Сибо, как та исчезла, рассыпавшись на множество бледных пятен. По углам комнаты проносился оглушающий вопль. Мусор поднимался к самому потолку, в хаотичном бреду ворошась и шумя вдоль стен. Икеда крутилась в центре комнаты, внимательно следуя за концом лезвия, которое держала перед собой. Она почувствовала тяжёлое дыхание за своей спиной,

но лишь на мгновение, которого хватило ей сполна. Икеда крутанулась, обернувшись назад. Сибо выскочила на неё из темноты, что создавал под собой гнилой след. Лезвие прошло точно вдоль туловища, прорезав мёртвую сущность. Сибо завопила так сильно, что воительница потеряла равновесие и попятилась назад на дрожащих ногах, тут же получив удар в грудь. Сибо вновь распалась на алые пятна, брызнув на пол кровавым месивом, а Икеду откинуло в сторону, и та ударилась о стену, на мгновение завидев белые блики у себя перед глазами. Она сжала зубы и, резко выдохнув, вскочила на ноги, вновь приняв боевую стойку. Кровь хлестала с лезвия катаны. Икеда прочертила лезвием вокруг себя кровавый круг и начала сконцентрированно ходить по его краям, не отрывая глаз от окровавленных следов. Прямой след, мешаясь с кровью и гнилью, то начинался, то прерывался в самых разных частях дома. Шум ветра утихал. Мусор отбросило в угол. Окна окончательно оторвались от прорезей. След стихал, уверенно останавливался, становился всё плавнее, пока не превратился в детский окровавленный шаг. Детские следы остановились в углу дома, направленные в сторону Икеды. Она опустила меч, оперевшись локтями на рукоятку, как бы пытаясь унять бурлящую кровь. Следы вдруг задрожали. Кровь ровными струйками со всего дома понеслась в сторону следов. Красное лезвие Икеды вновь засверкало тёмной сталью, словно его только вычистили. Из кровавых следов образовался ребёнок. Девчонка – бледная, что

голубое озеро, с красными глазами и опухшей шеей до самых плеч, а длинный окровавленный язык дотягивался до самого живота. На груди пара свежих цветков токкобана, словно только сорванные с жёлтых полей. Девочка теребила свои синие губы, словно пытаясь что-то сказать, но Икеда лишь вертела головой, пытаясь разгадать столь странное сообщение. Девочка вновь потеряла нижнюю губу, и воительница потянулась пальцами к своей, заметив на ней капли крови. Девочка словно заулыбалась сквозь гниющие зубы.

– Кто отравил тебя? – спросила Икеда, вытерев кровь с лица.

Девочка извивала длинным языком и судорожно махала руками, но не издавала ни писка. Она то била себя по груди, то указывала куда-то в небо, то рассеяно вертела ладонями, а охотница внимательно наблюдала, пытаясь уловить хоть каплю смысла.

– Ты сама отравилась? – предположила Икеда.

Девочка резко повертела головой и продолжила махать руками. Её действия были цикличны, повторялись, словно имели некий шифр, который требовалось понять.

– Твоя мать?

Девочка вновь резко завертела головой. Икеда осмыслила её тонкие намёки и подняла глаза, сверкнув секундным гневом.

– Твой отец?

Девочка замерла и, завивая языком, медленно кивнула.

– Значит, твоя мать ищет мести, вот что её так разозлило.

Девочка внимательно слушала, не двигаясь с места, словно застывшая статуя, лишь её язык извивался, будто змея.

– Не бойся, богиня Идзанами примет тебя, а для твоей матери я добуду столь желанного ей покоя. Обещаю.

Девочка широко раскрыла рот, пытаясь улыбнуться, но вместо этого лишь показывала маленькие чёрные зубки. Икеда присела, оперевшись о стену, и закрыла глаза, концентрируясь на густой тьме.

– Богиня Идзанами, одари меня своим присутствием, – шептала она, едва поднимая губы. – Мне нужен совет, навеянный твоей мудростью.

Блики перед глазами Икеды засверкали ярким светом. Она выдохнула, пустившись в крепкий сон и сжавшись в углу комнаты, словно ёж. Она подняла взгляд. Её окружало тёмное, залитое алым закатом небо и представшая перед ней Богиня. Идзанами выглядела весьма вульгарно. Босые ноги, чёрные, распущенные до самых коленей мокрые волосы, белый шёлковый халат, что сползал с плеч, будучи затянутым на тугом поясе, открывая обнажённую грудь. Её кошачьи глаза манили яркой сиренью и светились за чёрными локонами. Бледная мёртвая кожа хоть и выглядела гладкой, но словно разлагалась, свисая с натянутых щёк. Вид богини напугал бы любого, она была похожа на загримированный труп. Идзанами лежала на золотистой подушке и расслабленно поигрывала своими длинными костлявыми паль-

цами, словно её ничего не заботило. Такой она представляла перед Икедой каждый раз, но несмотря на свой не внушающий доверия облик, Идзанами была чрезвычайно умна, мудра и хитра. Богиня, которой Икеда готова была служить целую вечность. Икеда слегка поклонилась, и тут же привлекла внимание задумчивой богини.

– Здравствуй, Икеда. Я так рада тебя снова видеть, – произнесла Идзанами, вибрирующим нежным голосом.

– Муж отравил всю свою семью. Скорее всего, ради денег своей новой молодой жены, – доложила воительница.

– Жадность – самый страшный из пороков, но и самый справедливый. Жадность порождает бедность.

– Что же делать? Как даровать разгневанной Сибо покой?

– Ты знаешь, что нужно, чтобы невинная душа упокоилась. Сибо ищет справедливости и мести за смерть своих детей, и лишь даровав ей желаемое, она обретёт покой. Кровь за кровь.

Икеда опустила голову, задумавшись над словами богини. Идзанами поднялась, на цыпочках подойдя ближе и дотянувшись длинным ногтем до подбородка охотницы, приподняла ей голову.

– Убей его, Икеда, – шептала Идзанами. – Мужчины лживы. Их жизнь не стоит женских слёз, не стоит и пятна. Убей его! – вдруг повысила она тон, – сверши правосудие. Дай бедняжке Сибо упокоиться с миром. Я приючу её и её детей. Найду им место в своём мире.

Икеда смотрела, как Идзанами прожигает её своим довольным оскалом. Богиня водила по её щеке, оставляя приятный холод, пока не исчезла в резко настигшей темноте. Воительница открыла глаза, слегка переведя прерывистое дыхание. В её глазах светили лучи рассвета. Дом пустел, а на чистом полу вместо детских следов одинокий цветок токкобана.

Икеда вернулась в дом Мори Огай, что радостно улыбаясь, отворил перед ней двери. Его молодая жена всё так же безучастно стояла в стороне, наблюдая за гостьей краем глаза.

– Ночью пол-округи не спало, – начал довольный Мори, – в старом доме вопли досюда было слышно, а значит, ты справилась?

Икеда подняла на него презрительный взгляд.

– Ты отравил их, пока они спали, и даже глазом не повёл.

– Что ты несёшь, воительница? – вдруг выпятил грудь Мори.

Икеда молчала, сверкая краями амигасы. Мори судорожно вытащил из шкафа звонкий мешочек с монетами и протянул Икеде.

– Вот, возьми свои деньги и убирайся! – завопил он.

– Но я ещё не закончила свою работу, – ответила воительница, приподняв глаза.

Она сделала уверенный шаг вперёд, и Мори тут же попятился назад.

– Что? Но дух исчез. Ты изгнала её, – заикался дрожащими губами Мори.

– Ещё нет, чтобы дух упокоился, нужно даровать ему справедливость.

Мори испуганно покачал головой, глубоко глотая воздух. Икеда обнажила вакидзаси – короткий клинок, что прятался у неё за поясом, и сверкнула тёмной сталью, столь же броской, как и лезвие её катаны.

– Нет-Нет. Стой, стой! Ты не можешь убить меня, у меня же семья! – в страхе завопил Мори.

Икеда подняла глаза на девушку, что безучастно, равнодушно глядела из угла комнаты. Воительница сморщила брови в порыве ярости.

– Да, и твоя семья тебя заждалась.

Она резким взмахом лезвия перерезала Мори шею. Кровь брызнула на голые стены, моментально оставив пугающий след, что красной струёй потёк вниз. Мори не успел даже опомниться, как его труп оставил под собой алое пятно. Икеда подняла глаза на девушку. Её взгляд не источал ни эмоции, будто она до сих пор не поняла, что произошло, но вдруг опомнилась и посмотрела на охотницу в ответ. На её лице сверкнула наглая улыбка, пугающая и до боли знакомая, вызывающая у воительницы странное чувство уважения.

Икеда вернулась к проклятому дому. Стояла удивительная тишина, что был слышен взмах крыльев пролетающих

птиц. Она выглянула на бесконечные поля токкобана. Сибо витала над жёлтыми цветами и была настолько тихой, что даже не отпугивала трусливых ворон, что стаями кружили вокруг неё. Её потускневший пустой взгляд поднялся на Икеду, и она, развеяв под собой окровавленный плащ, тут же обрела злобное очертание.

– Кровь за кровь, – произнесла воительница и развернула тёмный вакидзаси, по которому ещё стекали свежие капельки крови. – Я принесла тебе месть. Я принесла тебе покой.

Сибо замерла и задымлённой искрой упала на землю. Её лицо словно ожило. Бледная кожа уже не пылала злобой, глаза не замирали, словно мёртвые льдины, а запах не вызывал тошноту. Кровь на её губах засохла, слёзы текли по мило краснеющим щекам. Она плакала сквозь искреннюю улыбку. Жемчужные слёзы, расслабленное сердце и упокоенная душа буйствовали в ней самыми яркими чувствами. Сибо закатила глаза, задрав голову вверх и, поддавшись тёплому ветру, исчезла в пустоте.

## Смерть

Живём, секунды дней считая.  
Мы ищем мести и коварств.  
Жадность в мире возвышая,  
Считая смерть за лживый фарс.  
Ты столь стара, ты столь юна.

Ты слишком млад, ты слишком стар.  
Ведь жизнь у нас у всех одна,  
Одна судьба и вечный дар.

# Глава 3

## Вихрь камелии



Вдоль пеших дорог обычно никто не ставил ни ламп, ни фонарей, но эта тропа оказалась уникальной. По всему её прямому пути, у самой земли, были расставлены множество фонарей, что горели пуще остальных и даже слепили непри-выкший глаз. Масло в них так и переливалось через края, дымясь алым пламенем. Икеда замечала, как у каждого из фонарей установлены ловушки, на которые обычно ловят крупную дичь, но большинство из них либо были не тронуты, либо разорваны на мелкие тряпки. Воительница услышала впереди шум возни и хриплые пыхтения, что совмещались с ворчливой руганью. Двое солдат в потёртый латах расставляли фонари, подливая туда чрезмерное количество масла. Икеда притормозила, с любопытством подняв глаза из-под амигасы.

– Сколько духа не корми, всё ему мало будет, – сказала охотница, и тут же привлекла внимание вояк.

Солдаты настороженно осмотрели юную воительницу и переглянулись.

– Фонари его на время, да сытят, – ответил солдат, – а то эта тварь все наши масляные чаши выжрет. Жрёт его, падла, литрами. Раньше он только из фонарей масло лакал, а вот недавно до запасов наших добрался, а тут уже дело серьёзное.

– Расскажи о нём.

– Его только краем глаза и видали. Мелкий и шустрый, зараза. Надоел, – буркнул воин и сплюнул на землю.

– Я могу заняться им.

– О как? А ты у нас кто?

– Мосина Икеда. Ловчая.

– Охотница за духами! – возрадовался второй солдат. – То, что нужно. Я понимаю, что слово доброе в карман не положишь, но люди мы небогатые, поэтому, надеюсь, что много за работу не возьмёшь.

– Много не возьму. Тридцать мон и договорились.

– Договорились! – хлопнул в ладоши вояка. – Сущность эта ночью появляется, сразу после заката.

– Здесь ты её и дождёшься, – добавил другой солдат.

Икеда кивнула, всматриваясь, как алое солнце заходит за горизонт. Она скрылась в лесной чаще, что соседствовала с тропой, и присела, оперевшись о ствол дерева. Икеда наблюдала, как блики крон медленно темнеют, заменяя себя яркими звёздами. Время пронеслось, словно одно мгновение. Вдруг шум листвы прервался сочным чавканьем. Икеда медленно подходила ближе к странному звуку, замечая, как у фонаря искрится огонь. Маленький ребёнок, ростом не выше срубленного пенька, длинным языком жадно лакал масло из фонаря, опустошая его до тех пор, пока огонь не гас, и тут же приступал к следующему. Икеда уверенно вышла к нему навстречу. Жадное поедание прервалось, и ребёнок замер, остановив выпуклые глаза на воительнице. Она ждала, наблюдала, но ребёнок, словно застыл в неподвижном состоянии.

– Всё, хватит, – наконец заявила Икеда.

Ребёнок резко дёрнулся и со всех ног понёсся в лесную чащу. Охотница бросилась за ним. Несмотря на свои короткие ноги, ребёнок бежал быстро, ловко минуя заросшие ветки. Икеда запросто потеряла бы его, но огненный пылающий след, что он за собой оставлял, не давал ей заблудиться. След извивался и менял направления, но всегда вёл к быстроногому духу. Воительница сбавила шаг. След прервался у самой опушки, открывая большие горы, что извивались высокими и острыми скалами. Пылающие сгустки масла обрывались у самого основания вершины, словно ребёнок перепрыгнул через них, но дикий угрожающий вопль эхом пронёсшийся по холодным камням, тут же откинул это предположение. Золотые искры сверкнули за горизонтом горы. Свистящий вопль превратился в суровый рык. На Икеду летел дракон, из пасти которого сочилась огненная жидкость. Он присел напротив неё, ударив длинным хвостом по земле. Его пасть горела, белые зубы налезали на нос, седые волоски усов торчали во все стороны и красиво мелькали на бликах луны. На его груди вращался ярко-розовый цветок камелии, что кружил множеством лепестков, словно гипнотизируя непривыкший к такой чарующей красоте глаз. Камелия искрилась золотыми лучами, слепя и будто отпугивая любознательный взгляд. Золотая чешуя, высокий, что Икеде приходилось поднимать шею, но при этом худощавый, вытянутый – огненный змей с пылающей головой дракона.

– Зачем ты преследуешь меня, воительница? – хриплым протяжным голосом спросил дракон. – Ты желаешь убить меня? Отрубить голову безобидному ребёнку?

Дракон извивался и то наклонялся ближе, то снова отдалялся, словно покачиваясь, дабы сохранить равновесие.

– Я ловчая, – ответила Икеда, отдаляясь назад от капающего из его пасти огня.

– А-а-а, ловчая. Я слышан о вас. И кому же ты служишь, охотница? Хотя не-е-ет, я и так, знаю ответ. Ты молишься Идзанами. Да-а. Она вечно собирает вокруг себя таких красавиц, как ты. Хотя, взглядываясь в твой дивный взор, я убеждаюсь, что не одной красотой ты увлекаешь собой этот мир.

Дракон устало выдохнул и упал на землю, присев поудобнее и закинув хвост назад.

– Я знаю, чего ты хочешь, – продолжил он, – но я не могу уйти. Здешние места кормят меня. Свет горит в моём сердце, что я зову пламенем, и мне нужно его восполнять. Огонь у драконов не берётся из пустоты, знаешь ли.

– Я знаю, – ответила Икеда, держа ладонь на рукоятке катаны. – Но и ты пойми меня. Я тоже не могу уйти.

– Да-а. Я понимаю, воительница. Я живу на этой земле тысячи лет, и меня гонят отовсюду, где бы я ни бывал. Но не будешь же ты махать мечом ради тридцати мон, так?

Дракон ухмыльнулся словно довольный собой.

– Только если придётся.

Икеда сверкнула лезвием катаны, наполовину вытащив её

из ножен. Дракон изумился, наклонившись ближе и с удивлением всматриваясь в искусную работу кузнеца.

– Бурая сталь. Я уже видел этот меч много лет назад. Откуда он у тебя?

– Я ответила бы, если б знала.

Дракон задумчиво вытянул шею, почёсывая свои усы широкими лапами.

– С кем же я тогда сражался. Моя память, к сожалению, уже не так остра.

Он прикрыл веки. Вспоминал тот пасмурный день или густую ночь, что мог разобрать лишь светлыми пятнами. Вокруг пылал огонь. Яркий. Злой. Беспощадный. На него двигалась тёмная фигура, у которой в руках блистал бурый клинок. Фигура яростно топтала землю, а лицо было спрятано под широкой шляпой. Дракон нырнул под загадочную фигуру, и та подняла глаза. Чёрные, холодные, как звёздная мгла. Дракон опомнился и взглянул на Икеду, что терпеливо смотрела на него из-под стальной амигасы. Он опустился ниже, дабы внимательно всмотреться в её лицо, и задумчиво прохрипел, виляя золотистым хвостом.

– Хм-м. Странно. Привидится же.

Дракон выпрямился и всё также плавно закинул хвост назад, но уже глядя на воительницу с долей настороженности.

– Что-ж, – продолжил дракон. – Не помню, чем закончилась та встреча, но зато хорошо помню, как после неё я проспал в тёмных пещерах не одну сотню лет. Я предлагаю тебе

мирный путь. Давай сыграем в игру. Если ты выиграешь, то я навсегда покину эти места, и ты больше никогда меня не увидишь, а если проиграешь, станешь моей воительницей и будешь служить мне до конца своей короткой жизни.

– Согласна, – не раздумывая ответила Икеда.

– Превосходно, – ухмыльнулся дракон. – Внимательно слушай правила, от них зависит твоя судьба. Завтра, когда солнце зайдёт за эти горы, с неба упадёт звезда. Кто первый отыщет её, тот и победил.

– Хорошо.

– А-а-а, а с тобой весело, воительница. Можешь начинать поиски, когда захочешь, но помни, я не стану давать тебе фору.

Дракон выпрямил крылья, что были сложены за его спиной, и, сделав пару шумных взмахов, скрылся за скалами, извивая своим телом, словно змея. Икеда вернулась к тропе, что вела к небольшому городу. Хилые стены, зевающая стража и масляные фонари на каждом углу, не удивительно, почему дракон избрал именно это место для своего бурного аппетита. Воительница прогуливалась вдоль тёмных улочек, всматриваясь в каждый из десятков одинаковых домов. Она подняла взгляд в небо. Миллионы звёзд блистали, вызывая головокружительное очарование, будто весь мир вдруг остановился. Какая из них упадёт? Какая из них погаснет, и когда родится новая? Кто бы мог дать ответы, что так ей нужны. Громкий звук упавшей стекляшки за спиной тут же вер-

нул Икеду к реальности. Она обернулась, заметив, как сгорбившийся старик ворчит и собирает множество выпуклых стёкол с земли. Он держал под рукой толстый телескоп, что казался длиннее его самого, и был настолько тяжёлым, что старику приходилось натужно кряхтеть, прежде чем выпрямиться. Икеда последовала за ним до самого дома с широкими двойными дверьми и множеством открытых окон. Вокруг дома стояла непроглядная тьма, ни фонарика, ни свечи, ни скромного факела не освещали эту часть улицы. Старик отворил двери, поставил телескоп на пол и попытался закрыть двери, но Икеда резко поставила между ними ногу, так что старик даже слегка дёрнулся. Он взглянул на неё, подозрительно сморщив глаза, и тут же обратил внимание на меч, что прятался в ножнах.

– Ограбить меня хочешь? – спросил старик, не сводя с незнакомки глаз.

– Нет, – ответила она, – интересуюсь звёздами.

На лице старика сверкнула улыбка, будто он услышал нечто потрясающее.

– Ну тогда проходи. Как раз поможешь мне телескоп до сада дотащить.

Икеда и старик подняли телескоп, что оказался не таким тяжёлым, как выглядел, и занесли его в зелёный сад, по центру которого были расставлены множество столов с картами и чертежами, стёклами разных размеров и стопками рукописных книг. Старик поправил свою длинную шапку, боль-

ше напоминающую платок, и замер, задумчиво вглядываясь в звёздное небо.

– Так что тебя интересует, молодая воительница? Спрашивай, я поделюсь всем, чем смогу, – дружелюбно улыбнулся он.

– Меня интересует звезда, что упадёт завтра после заката, – ответила Икеда.

– О-о-о, – с изумлением промычал старик, – за этой звездой я наблюдаю уже не первый месяц. Прекрасное творение Вселенной.

Икеда взглянула на звёзды, что миллионами искр сверкали в её чёрных глазах.

– Мне нужно найти её.

– Найти? Хм-м. Это будет непросто. Упадёт она на севере, но точное её место падения тебе никто не скажет.

– Север значит?

– Да, – кивнул старик.

Воительница едва заметно поклонилась и направилась к выходу, но старик резко замаячил, и остановил её.

– Подожди, подожди, – поднял он ладонь. – Так ты что это, серьёзно? Хочешь отыскать звезду, которая упадёт непонятно где, непонятно как, и не разбросает ли её обломки по всему земному шару, оставив лишь слепые пятна, и не попадёт ли она на дно моря или вершину горы.

Старик пробубнил быстро, всё время судорожно пожимая плечами, а Икеда терпеливо слушала, словно дожидаясь, ко-

гда он закончит невнятный трёп. На мгновение воцарилась тишина, прерываемая лишь ночным ветром.

– Да, – наконец ответила охотница.

– Я прямо горд нынешней молодежью! – воодушевился старик, слегка подпрыгнув. – Несмотря на все трудности, такое стремление познать этот загадочный мир. Слушай. Может, принесёшь мне эту звезду, если вдруг найдешь?

– Сколько?

– Сколько?! Я думал, ты сделаешь это ради науки.

Икеда взглянула на него с саркастичной ухмылкой.

– Ну да, да. Ничего в этом мире не делается бесплатно. Я заплачу тебе пятьдесят мон, если укажешь мне к ней путь или принесёшь, если она небольшой окажется, а то размеры её трудно предугадать.

Воительница поклонилась вновь и отворила дверь.

– Эй! – снова остановил её старик. – Ты что же, пойдёшь сейчас, на ночь глядя? Можешь переждать ночь здесь, если желаешь.

– Нет времени, – бросила Икеда и направилась напрямиком на север.

Её ноги стали уставать. Она шла всю ночь, не меняя назначенного курса. Через леса, через реки и холмы, и всё время всматривалась на скалистые горы, пытаясь опознать сверкающий отблеск золотой чешуи, но всё, что она замечала, это то, как в глазах сияет восходящее солнце – самый яркий свет в этом мире. Лучи слепили её, и из-под бледных бликов

Икеда замечала нечто знакомое, что видела, но могла осознать лишь дальними уголками своей памяти. Едва слышный шорох, что послышался в листве из тёмной чащи леса, тут же отвлек её от всяких размышлений. Среди деревьев извивалось нечто необычное, нечто пугающее. Два блёклых глаза показались при свете солнца. Агрессивные и выпученные, словно вот-вот вырвутся из глазниц. Их ужас не внушал ничего хорошего. Навстречу ей из густой чащи вышел уродливый старик. Странствующий монах в рваном плаще. Его лицо было покрыто чёрными пятнами, а огромный нос чуть ли не кровоточил от гноившихся прыщей. Вытянутая шея, что длиннее тела, грязные усы свисали со сморщенного подбородка, огромные волосатые руки и ноги с жёлтыми нечищенными ногтями, и седые волосы на затылке. Его взгляд сверкал безумием, что вводил в ужас и страх, и отправил бы в бегство любого заплутавшего путника, но не Икеду. Она сурово приподняла глаза, разглядывая его твёрдо застывшую шею, что напоминала дождевого червя. Монах поднял кривые пальцы, вытаращив их, словно тигр, готовившийся к броску. Воительница замерла, сжимая рукоятку меча. Они погрузились в тишину, не отрывая друг от друга глаз. Икеда дёрнулась, обнажила катану и медленно воздела рукой, направив тёмное лезвие вниз.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.